

НЕКРАСОВ И ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

I

Бывают сопоставления имен искусственные, возникшие в результате случайных или же приводящих соображений. никоим образом нельзя этого сказать о сопоставлении имен, составивших заголовки настоящей статьи.

Чернышевского и Некрасова связывали, во-первых, узы совместного руководящего участия в общественном движении их времени, во-вторых, узы товарищеской работы в одном и том же практическом деле - журнале "Современник", в-третьих - узы личного знакомства, основанного на взаимных уважении и приязни, знакомства, постепенно перешедшего в прочную дружбу.

Отношениями названных писателей за последние годы интересовался целый ряд исследователей. В обширных статьях Е. А. Ляцкого "Чернышевский в редакции "Современника" ("Современный Мир", 1911 г., NoNo 9, 10 и 11) немало страниц посвящено этим отношениям, причем исключительную ценность статьям Ляцкого придает то обстоятельство, что автор их воспользовался рядом неопубликованных материалов из архивов А. Н. Пыпина и семьи Чернышевского. Много позднее, уже после революции, Н. К. Пиксанов включил переписку Н. Г. Чернышевского с Некрасовым в особую книгу ("Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым", М. 1925 г.), снабдив ее вступительной статьей, составленной с присущей данному исследователю добросовестностью. Еще (позднее, в дни столетия со дня ращения Чернышевского, его отношения с Некрасовым были рассмотрены биографом и исследователем творчества Чернышевского Ю. М. Стекловым в его капитальном труде о Чернышевском ("Н. Г. Чернышевский. Его письма и деятельность", т. I, ГИЗ, 1928 г., см; гл. "Чернышевский и Некрасов" и "Чернышевский и "Современник"), а также на страницах журнала "На литературном посту" (1928 г., NoNo 1, 2, 3). Наконец, в том же 1928 г. журнал "Литература и марксизм" (No 4) дал полный текст "Воспоминаний Чернышевского о Некрасове, Тургеневе и Добролюбове" (частично они были уже использованы Е. А. Ляцким в вышеупомянутых статьях его в "Современном Мире"), а также относящиеся к этим воспоминаниям выдержкам из неизданных писем Чернышевского к А. Н. Пыпину и его жене Ю. И. Пыпиной. Правда, в текст материалов, (помещенных в журнале "Литература и марксизм", не вошли "Заметки" Чернышевского о Некрасове, вызванные "биографическими сведениями" и "примечаниями" в посмертном издании стихотворений Некрасова 1879 г. {Издание это было предпринято сестрой поэта Анной Алексеевной Буткевич, "биографические сведениям (т. I) составлены А. М. Скабичевским, а "примечания" - С. И. Пономаревым.}, но эти "Заметки" были напечатаны в 1905 году А. Н. Пыпиным в его книге о Некрасове и перепечатаны в 1906 году в X томе (ч. 2) "Собрания сочинений" Чернышевского.

Нам потребовались эти библиографические ссылки, главным образом, для того, чтобы пояснить характер предлагаемой вниманию читателей статьи о Некрасове и Чернышевском. Давать подробную характеристику их совместной работы и Личных отношений три условия, что вопросы эти нашли себе освещение в только что упомянутых работах и материалах, которые свежи еще в памяти интересующихся историей русской литературы и общественности, нам представлялась излишним, и мы предпочли сосредоточить наше внимание преимущественно на вопросе о том, сказалось ли на Некрасове влияние Чернышевского, как представители определенной общественной психо-идеологии, а если сказалось, то в чем именно.

Общественное движение, в котором и Чернышевский и Некрасов играли, бесспорно, первые роли, это - движение 60-х гг., характеризующееся выступлением на общественную арену разночинной интеллигенции, вдохновлявшейся идеями материализма и революционного социализма. Материализм лег в основу философских и эстетических воззрений шестидесятников, революционный социализм определил их социально-политическое credo. В страстном стремлении претворить в жизнь свои верования, разночинцы шестидесятники натолкнулись на яростное сопротивление правительственной власти и имущественных классов, на косность широких масс, еще не научившихся отличать друзей от врагов, натолкнулись... но не опустили оружия. Нет! Несмотря на подавляющие силы врага, они мужественно бросились в бой... И боролись с тем большим воодушевлением, что в лице

Чернышевского имели не только мудрого теоретика, четко формулировавшего и солидно обосновавшего важнейшие пункты их программы, но и талантливого вождя, управлявшего тактикой боевых действий. Некрасов, не отличавшийся глубиной образования, чуждавшийся активной революционной работы, не мог претендовать на роль такого вождя. Но он обладал огромным поэтическим талантом и как только осознал и усвоил основные стремления разночинцев, сделался вдохновенным певцом этих стремлений. Подлинный Тиртей освободительного движения 60-х гг. {Это выражение заимствуется нами из декларации петербургских писателей, принятой на собрании 9 марта 1917 г. (см. нашу статью "Революционная идея в поэзии Некрасова" в "Некрасовском сборнике" 1918 г., стр. 1).}, Некрасов пользовался исключительной популярностью среди своих современников, заставив их даже забыть о светозарном гении Пушкина. Нет надобности доказывать, что, как поэт, Некрасов слабее Пушкина, но тем не менее целые четверть века он в сознании наиболее передовой части русского общества решительно затмевал Пушкина.

Мы говорим о четверти века не ради красного словца. Когда в декабре 1877 г. над свежей могилой Некрасова Достоевский поставил поэта на ряду с Пушкиным, присутствовавшая на похоронах молодежь прервала его негодующими криками: "Он был выше Пушкина!" Среди кричавших, которые, собственно говоря, лишь повторили мнение Чернышевского, высказанное им еще в 1856 г. (см. "Переписку Чернышевского с Некрасовым и др."), находился и Георгий Валентинович Плеханов, тогда юноша, тогда еще народник-"земледелец". Не удовольствовавшись одними криками, Плеханов в своей речи, произнесенной на могиле, высказал ту же мысль о превосходстве Некрасова над Пушкиным. Придет время, и Плеханов сознается в ошибочности своего взгляда. Дело, однако, не в этом. Нам важно было лишь подчеркнуть, что в период от первых шагов на литературном поприще Чернышевского до первых общественных выступлений Плеханова Некрасов безраздельно царил над умами русских радикалов-разночинцев.

Популярность Чернышевского оказалась не менее долговечной, чем популярность Некрасова. "Властитель дум" поколения шестидесятников, Чернышевский, как известно, определил, в значительной степени, и умонастроение народников-шестидесятников. Хотя современные исследователи совершенно правильно указывают, что народники во многом исказили Чернышевского, возводя в догму наиболее слабые пункты его учения, но самый факт его огромного влияния на них неоспорим. И даже в 80-е и 90-е годы, когда поэзия Некрасова теряла уже свое обаяние {Причина этого заключалась, главным образом, в реакционности эпохи, в частности в начавшемся буржуазном перерождении интеллигенции.}, авторитет Чернышевского все еще стоял очень высоко в глазах всех тех, кто сколько-нибудь углубленно задумывался над вопросами экономического порядка, кто сколько-нибудь активно относился к проблемам русской общественности. Не составляли в этом отношении исключения и первые русские марксисты.

Признавая Чернышевского и Некрасова наиболее яркими представителями 60-х гг., нельзя пройти мимо вопроса о том, влияли ли они друг на друга в "идеологическом отношении.

Прежде всего, оказал ли какое-либо влияние старший по возрасту и к моменту знакомства с Чернышевским занимавший весьма видное в общественном смысле положение Некрасов на Чернышевского? На этот вопрос приходится ответить отрицательно. Идеологического влияния Некрасова на Чернышевского не было и не могло быть, ибо ко времени своего вступления в ряды сотрудников "Современника" Чернышевский придерживался уже в достаточной степени определенных взглядов. Об этом говорит интереснейший дневник Чернышевского, напечатанный в полном виде на страницах недавно выпущенной ГИЗ'ом книги "Литературное наследие Чернышевского" {Не всем известно, что "Дневник" Чернышевского был им зашифрован и так искусно, что даже эксперты III отделения, пытавшиеся его расшифровать после ареста Николая Гавриловича в 1862 году, не справились с этой задачей. Расшифровать "Дневник" удалось младшему сыну Чернышевского Михаилу Николаевичу в результате длительной и напряженной работы.}.

Приведем несколько выписок из него, свидетельствующих, что уже в студенческие годы, 20-22 лет отроду, Чернышевский выработал себе те взгляды, которым, особенно говоря, оставался верен в течение всей своей жизни.

Вот запись его "Дневника" от 7 сентября 1848 г., заключающая в себе резкий выпад против либералов, под которым, разумеется, не усомнился бы подписаться Чернышевский и десятью годами позже: "Не люблю я господ, которые говорят: свобода, свобода - и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово, а не вводят в жизнь, не уничтожают асоциальный порядок, при котором девять десятых - орда, рабы и пролетарии..." Несколькими днями позже (запись от 18 сентября) Чернышевский с недопускающей двойного толкования определенностью говорит о своих политических, более того, партийных симпатиях: "я стал по убеждению в конечной цели человечества решительно партизаном" социалистов, коммунистов и крайних республиканцев... Противники этих господ нисколько в сущности их не понимают и воображают и клеветают на них, как я убедился". В декабре того же года (запись от 8 декабря) Чернышевский записывает в "Дневник" слова, превосходящие по яркости и определенности знаменитую "аннибаловскую клятву" Тургенева и отнюдь не уступающие в тех же отношениях клятве Герцена и Огарева на Воробьевых горах: "Я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, братства, равенства и довольства, уничтожения нищеты и порока и, если уверен буду, что мои убеждения восторжествуют, даже не пожалею, что не увижу дня торжества и царства их, и сладко будет умереть, а не горько"...

Арест петрашевцев, среди которых у Чернышевского было немало знакомых, исторгает из его уст настоящий вопль возмущения (запись от 25 апреля 1849 г.): "Ужасно подлая и глупая история... эти скоты, вроде этих - свиней Бутурлина и т. д., Орлова, Дуббельта и т. д., должны были бы быть повешены. Как легко попасть в историю, - я, например, никогда не усомнился бы вмешаться в их общество, и со временем, конечно, вмещался бы".

Сидя в январе 1850 г. на гауптвахте, куда угодил за то, что попался навстречу одному из университетских заправил в расстегнутом сюртуке, Чернышевский вносит в свой "Дневник" следующее знаменательное признание: "Я был [прежде] того мнения, что абсолютизм имеет естественное стремление препятствовать высшим классам угнетать низшие, что это противоположность аристократии, а теперь я решительно убежден в противном - монарх, а тем более абсолютный монарх, только завершение аристократической иерархии, душою и телом принадлежащий к ней. Это все равно, что вершина конуса аристократии... Теперь говорю: [монархия], погибни, чем скорее, тем лучше, пусть народ не приготовленный вступит в свои права, во время борьбы он скорее приготовится... Пусть будут со мною конвульсии, -- я знаю, что без конвульсий нет никогда ни одного шага вперед"...

Наконец, оканчивая университет, Чернышевский в такой мере жаждет революционного взрыва, в такой мере верит в его неизбежность, что серьезно обдумывает планы того, каким образом ускорить этот взрыв. Сначала ему приходит в голову мысль напечатать подложный манифест с провозглашением освобождения крестьян, упразднения рекрутчины, сбавки налогов и разослать его по всем консисториям в пакетах от святейшего синода. Когда содержание манифеста огласится, думает Чернышевский, то это - "так разовьет и так расколывает народ, что уже нельзя будет и на несколько лет удержать его, и даст широкую опору всем восстаниям". Но сейчас же Чернышевскому приходит в голову, что в таком ответственном деле прибегать к лжи нецелесообразно, ибо, действуя с помощью подлога, легко подорвать доверие масс к приверженцам революционной борьбы; гораздо правильнее избрать другой путь: просто - составить "Воззвание к восстанию... демагогическим языком описать положение и то, что только шла и только они сами через эту силу могут освободиться". Одним словом, двадцатидвухлетний Чернышевский как бы намечает здесь ту программу, которая впоследствии, в дни составления воззвания "К барским крестьянам", была им выполнена. Факт поразительного интереса: никому неизвестный юноша-студент уже проводит тот путь, на который через целое двенадцатилетие пришлось вступить ему, уже общепризнанному вождю молодого поколения и руководителю авторитетнейшего и популярнейшего журнала той эпохи.

И если искать в "Дневнике" Чернышевского пророчеств, то не трудно найти на его страницах еще одно, не менее удивительное. Объясняясь в феврале 1852 г. с любимой девушкой и предупредив ее о том, что в России "будет скоро бунт, и если он будет", то он, Чернышевский, "непреренно" примет участие в нем: его "не напугают ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня", Николай Гаврилович не скрывает от нее, что для него это "кончится каторгой или виселицей".

Наша характеристика мировоззрения Чернышевского в период, предшествовавший его знакомству с Некрасовым, будет неполной, если мы не подчеркнем самым решительным образом, что, наряду со свободомыслием в вопросах социально-политических, ему было присуще такое же свободомыслие в вопросах философско-религиозного порядка. Затерялась в юбилейном "Сборнике Литературного Фонда" (1909 г.) и не пользуется достаточно широкой известностью 9-я глава "Автобиографии" историка "Н. И. Костомарова, содержащая ряд весьма интересных данных о материалистических и атеистических суждениях Чернышевского, относящихся, повидимому, к началу 50-х гг., когда он, в бытность свою учителем саратовской гимназии, часто встречался с высланным в Саратов по делу Кирилло-Мефодиевского братства Костомаровым. "Учение, - рассказывает Костомаров,-- которое он везде и повсюду проповедывал, где только мог, было таково: отрицание божества, религиозное чувство в его глазах была слабость суеверия и источник всякого зла и несчастья для человека... Сначала христианство заключало в себе великую двигательную силу для обновления человечества, но потом попало в руки жрецов под названием пап, митрополитов, всякого рода архиереев, попов, монахов, которые завернули его в папильотки идолопоклоннического символизма, а земные цари и властители употребили его как орудие для порабощения людей и для оправданий всяких насилий. Теперь оно не может приносить ничего, кроме вреда... Бессмертие души есть вредная мечта, удерживающая человека от прямого пути главнейшей цели жизни - улучшения собственного быта на земле. Нас манят какими-то фантастическими, ни для кого не понятными надеждами вечного блаженства за гробом и заставляют терпеть ради него на земле всякую неправду и страшиться противостоять против зла. Отсюда истекало у Чернышевского и отрицание святости всяких властей, всего того, что имело поползновение стеснять свободу человеческой жизни"...

Нет надобности доказывать, что Некрасов - и потому, что для него, как поэта, национально-экономические проблемы не могли иметь такого исключительного значения, какое они имели для Чернышевского, и потому, что он вращался до встречи с Чернышевским преимущественно в кругу либеральных дворян, людей 40-х гг., далеко не отличавшихся ни радикализмом, ни прямолинейностью взглядов, и потому, наконец, что его умственный багаж, вследствие общеизвестных обстоятельств его детства и воспитания, даже и в относительной мере не мог равняться с багажом Чернышевского, превосходившего глубиной и разносторонностью своих знаний даже патентованных ученых, - "не мог выработать себе столь определенного мировоззрения, как "мировоззрение Чернышевского. Правда, близость к Белинскому, как это неоднократно указывалось в предыдущем изложении, наложила очень определенный отпечаток на социально-политические симпатии и антипатии Некрасова, но влияние Белинского все же было не безусловно, а главное в течение реакционнейших 1848-1855 гг. успело несколько поблекнуть и выветриться. Во всяком случае, сравнивая идеологию стихотворений Некрасова, написанных при жизни Белинского, с идеологией стихотворений, написанных в последующие 4-5 лет, нельзя не прийти к заключению, что последние уступают первым в отношении идеологической четкости и радикализма основных тенденций. Если к 1845--1848 гг. относится целый ряд стихотворений (их перечень смотри выше, на стр. 54), в которых нашли свое выражение и пламенное сочувствие угнетенным и обездоленным классам (как городской бедноте, так и крепостному крестьянству), и гневные обличения по адресу "хозяев исторической сцены" - помещиков, буржуа-капиталистов, царских чиновников, то стихотворения 1848-1853 гг. en masse характеризуются преобладанием интимной лирики, в частности любовных мотивов.

Само собой разумеется, тут дело не только в смерти Белинского. Было бы наивно думать, что только ею объясняется спад протестующего настроения у Некрасова. Не забудем, что Т. Н. Грановский, произнося свою классическую фразу: "Благо Белинскому, умершему во-время", хотел ею подчеркнуть, что бешеная правительственная реакция, начало которой совпадало с кончиной Белинского, создала такие условия для людей с подобными ему идеологическими и психологическими устремлениями, что смерть являлась для них наилучшим исходом. Действительно, в "мрачное семилетие" (1848--1855 гг.), в эпоху "цензурного террора", сделались ее только почти невозможными какие-либо литературно-журнальные высказывания по вопросам социально-политическим, за исключением, конечно, ультра-патриотических восхвалений существующего порядка, но и обсуждение этих вопросов в тесных товарищеских кружках. Гибель петрашевцев представляла в этом отношении поучительнейший пример.

Неудивительно при таких условиях, что заветы Белинского начинают тускнеть и обесцвечиваться в сознании даже ближайших его учеников и последователей. В связи с этим и поэзия Некрасова принимает несколько иную окраску, чем раньше.

Настойчивее, чем когда бы то ни было, Тургенев и Боткин "дружески" увещевают Некрасова: "брось воспевать любовь ямщиков, огородников и всю деревенщину. Это фальшь, которая режет ухо... Это профанация описывать гнойные язвы общественной жизни. Не увлекайся пожалуйста тем, что мальчишки и невежды в поэзии восхищаются твоим подобными стихами, слушайся людей, знающих толк в "изящной поэзии"... Некрасов не соглашается, возражает, но в его стихах, повторяем, гражданские мотивы начинают уступать место чистой лирике.

В это как раз время (в редакции "Современника" появляется Чернышевский. Из статей Ляцкого ("Современный Мир" 1911 г.) мы узнаем, как быстро приобрел он расположение Некрасова. Уже во время их первой встречи Некрасов сумел по достоинству оценить своего молодого собеседника (в 1853 г. Чернышевскому было всего 25 лет) и сразу заговорил с ним как с человеком, заслуживающим полного и безусловного доверия. Их взаимная симпатия все растет, и через короткое сравнительно время Чернышевский делается не только одним из членов редакции журнала, но одним из наиболее близких Некрасову людей.

В это же время и в поэзии Некрасова намечается поворот в сторону усиления в ней элементов общественного, протеста, чему не препятствует и то, что "мрачное семилетие" еще не изжито, и реакция продолжает свирепствовать.

В 1853 г. Некрасов дал в "Записках гр. Гаранского" необычайно широкое по захвату и резкое по своему общественному смыслу изображение тех угнетения и эксплуатации, которым подвергалось закрепощенное крестьянство со стороны помещиков. Более того, в этом же стихотворении затронута столь щекотливая тема, как кровавые расправы крестьян с помещиками. "Записки" оказалось, возможным напечатать лишь в 1856 г., да и то с большими цензурными купюрами. Чтобы обмануть бдительность цензуры, под заголовком стихотворения было помещено длиннейшее заглавие никогда не существовавшего на самом деле (сочинения гр. Гаранского, причем французский текст этого заглавия, по просьбе Некрасова, составлял Чернышевский.

К тому же 1853 г. относится и стихотворение "За городом" с его запрещенной цензурой концовкой:

... И лучше поскорей
Судьбе воздать хвалу, что в нищете своей,
Лишенные даров довольства и свободы,
Мы живо чувствуем сокровища природы,
Которых сильные и сытые земли
Отнять у бедняков голодных не могли...

В 1854 г. Некрасов пишет поэму "Белинский", в которой дает очень резкую характеристику своей реакционной эпохи и выдвигает революционные стороны в деятельности Белинского. Поэма "Белинский" настолько оппозиционна в общественном отношении, что Некрасову, как мы знаем, так и не удалось напечатать ее при жизни.

В 1855 году, последнем году николаевского царствования, Некрасов создает "Сашу", содержащую в себе глубоко отрицательную характеристику представителя дворянской интеллигенции, человека 40-х гг., характеристику, предвещающую то отношение к этой интеллигенции, которое тремя годами позднее с такою беспощадною ясностью было высказано в известной статье Чернышевского о тургеневской "Асе" - "Русский человек на rendez-vous".

К какому же выводу приводит этот краткий обзор гражданских мотивов в стихотворениях Некрасова 1853--1855 гг.? Разумеется, к тому, что хотя они относятся ко времени все еще реакционному, протестующие ноты звучат в них гораздо явственнее, чем в предыдущее

четырёх-пятилетие, считая с 1848 г. по 1853 г. А 1853 г. это,-- так забудем,-- год первых встреч, а затем и сближения Некрасова с Чернышевским.

II

Изложенное придает особое значение вопросу о влиянии Чернышевского на идеологию Некрасова. Этот вопрос уже встал перед первым биографом Некрасова А. М. Скабичевским (см. его биографию Некрасова, приложенную к первому посмертному изданию его стихотворений 1879 г.), и он склонен был решать его в том смысле, что влияние Чернышевского ("новых людей", как выражался не имевший в это время цензурной возможности назвать Чернышевского по имени Скабичевский) значительно способствовало расширению "умственного и Нравственного кругозора поэта". Чернышевский резко восстал против точки зрения Скабичевского, как только она стала ему известна. В своих "Заметках о Некрасове", присланных А. Н. Пыпину в письме из Астрахани от 9 декабря 1883 г., Николай Гаврилович категорически заявляет, что мнение, будто бы он имел влияние на образ мыслей Некрасова, совершенно ошибочно. "Правда,-- продолжает он {Цитируем "Заметки" не по книге Пыпина и не по "Собранию сочинений", а по статье А. А. Ляцкого "Чернышевский в редакции Современника", где они приведены в наиболее полном виде.},-- у меня было по некоторым отделам знания больше сведений, нежели у него; и по многим вопросам у меня были мысли более определенные, чем у него; но если он раньше знакомства со мною не приобрел сведений и не дошел до решений, какие мог получить от меня, то лишь потому, что для него, как для поэта, они были не нужны; это были сведения и решения более специальные, нежели какие нужны для поэта и удобны для передачи в поэтических произведениях... Те сведения, которые мог бы получить от меня Некрасов, были непригодны для поэзии. А он был поэт, и мила ему была только поэтическая часть его литературной деятельности. То, что нужно было ему знать, как поэту, он знал до знакомства со мною, отчасти не хуже, отчасти хуже меня. Но в числе тех мыслей, которые мог он слушать от меня и которых не имел до знакомства со мною, находились и широкие, способные быть предметом поэтической разработки, или, по крайней мере, давать окраску поэтическим произведениям. Воспринял ли их от оленя Некрасов? Покажу это на двух примерах".

Далее, действительно, следуют два примера, но и тот и другой представляются нам не слишком убедительными.

Прежде всего, Чернышевский ссылается на то, что взгляд Некрасова на Петра Великого и его деятельность, вынесенный из кружка Белинского, существенным образом отличался от взгляда его, Чернышевского. "Имей я,-- говорит он,-- хоть маленькое влияние на его образ мыслей, он не мог бы писать о Петре то, что он писал; имей я сколько-нибудь большое влияние, он падал бы о Петре тоном, прямо противоположным тому, каким он писал".

Какие высказывания Некрасова о Петре здесь имеются в виду? Несомненно те, которые содержатся в поэме "Несчастные" и одной из строф стихотворения "Тишина".. Крот,-- герой поэмы "Несчастные", - и по наружности и по идеологии очень напоминающий Белинского, в своих беседах с каторжниками о прошлом России любил говорить о том,

Как обучал вознес, прославил
Ее тот мудрый государь,
Кому в царях никто не равен,
Кто до скончанья мира славен
И свят: Великого Петра
Он звал отцом России новой,
Он видел след руки петровой
В основе каждого добра и т. д.

В стихотворении "Тишина" всего одно упоминание о Петре, но упоминание весьма характерное. Точно по аналогии с пушкинским посланием к Николаю I ("В надежде славы и добра"), содержащем в себе горячее пожелание, чтобы новый царь "во всем был пращурю подобен", Некрасов сопоставляет деятельность Александра II с деятельностью Петра:

Уходит мрак... кругом светлеет...
И быстро царство молодое
Шагает по пути добра,
Как в дни Великого Петра...

Итак, имея в виду приведенные два отрывка из Некрасова, Чернышевский говорит, это если бы он имел на Некрасова какое-либо влияние, Некрасов не сказал бы о Петре ничего подобного. Как, однако, примирить с этим утверждением его тот факт, что как раз в том номере "Современника" (№ 2, 1858 г.), где напечатана некрасовская "Тишина", Чернышевский помещает свою знаменитую статью "О новых условиях сельского быта" с рядом столь же восторженных отзывов о Петре, как и отзывы Некрасова? "Высочайшими рескриптами, - читаем мы здесь, -- данными 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 г., благополучно царствующий государь император начал дело, с которым по своему величию и благотворности может быть сравнена только реформа, совершенная Петром Великим... С царствования Александра II начинается для России новый период, как с царствования Петра. Блистательные подвиги времен Петра Великого и колоссальная личность самого Петра покоряют наше воображение; неоспоримо громадно и существенное величие совершенного им дела. Мы не знаем, каких внешних событий свидетелями поставит нас будущность. Но уже одно только дело уничтожения крепостного права благословляет времена Александра II славою, высочайшею в мире"...

Таким образом, Некрасов в стихах повторил не только то, что о Петре говорил в свое время Белинский, но и то, что было высказано Чернышевским.

Не менее неудачен и второй пример-доказательство, приводимый Чернышевским, причем, если первый относится к вопросу порядка политического, то второй относится к вопросу порядка социального. Чернышевский силится доказать, что ни его статьи, ни его разговоры о подготовлявшейся крестьянской реформе "не имели влияния на его, Некрасова, мнение о ходе крестьянского дела". В подтверждение он приводит чрезвычайно любопытный рассказ о том, как поражен и расстроен был Некрасов, когда, прочтя манифест 19 февраля, убедился, как мало дало крестьянству долгожданное и страстно желанное освобождение. Думается, что и на этот раз аргументация Чернышевского не выдерживает критики, так как из приводимого им примера вполне позволительно сделать вывод, диаметрально противоположный тому, к которому он приходит, а именно: даже в тех случаях, когда Некрасов имел, по терминологии Чернышевского, "образ мышей, отличный от его образа мыслей", под влиянием хода вещей, предугаданного таким исключительно прозорливым и реальным политиком, как Чернышевский, он убеждался в ошибочности своих взглядов и (правоте Чернышевского).

Естественно, при таких условиях влияние на него последнего должно было все возрастать и возрастать. И если бы была в этом необходимость, то путем анализа целого ряда некрасовских произведений за вторую половину 50-х, за 60-е и 70-е гг. не составило бы труда доказать, что их идеология в общем и основном соответствовала взглядам Чернышевского. Не вдаваясь в подробный анализ, отметим, что революционные мотивы в поэзии Некрасова появились не прежде, чем упрочились его деловые связи и личное дружество с Чернышевским. Выше мы уже имели случай констатировать, что, начиная с 1853 г., т. е. со вхождения Чернышевского в редакционный круг "Современника", Некрасов, как поэт, несомненно "левее". Это полевение его особенно ярко стало сказываться в 1856 г., к которому относится знаменитый призыв:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденья, за любовь...
Иди и гибни безупречно:
Умрешь не даром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь!

Известию, какую угрозу навлекли на Некрасова эти стихи. "Аристократическая сволочь", по выражению Герцена (см. "Колокол" № 2, 1857), усмотрела здесь "чуть ли не призыв к оружию", и на Некрасова была напущена "цензурная орда с ее баскаками". Герцен склонен видеть в этой травле поэта "жалкое ребячество", находя, очевидно, страхи, возбужденные

стихами Некрасова, совершенно неосновательными. В этом он, конечно, прав. Но, с другой стороны, едва ли можно отрицать, что в стих. "Поэт и гражданин" мысль автора уже достаточно определенным образом становится на революционный путь. Однако в 50-е годы Некрасов не высказывался с такой определенностью о неизбежности революционной борьбы, как в 1861 г., когда в связи с пресловутым "освобождением крестьян" надежды на возможность добиться от правительства сколько-нибудь действительных мер к обновлению русской жизни окончательно рассеялись, и всем искренним друзьям крестьянства стало ясно, что только революция может вывести страну на иной путь развития. Первый поэтический отклик на волновавшие поэта думы о том, что же надо делать теперь, после того, как правящая власть окончательно пренебрегла интересами крестьянских масс, - содержится в стихотворении "Ты как поденщик выходил". Обращаясь в нем к кому-то из своих бывших друзей, еще не успевшему разобраться в горькой действительности и отрешиться от иллюзий "медового месяца русского прогресса", Некрасов убеждает его, что в "среде всеобщей пустоты, всеобщего паденья" надеяться на возможность "примиренья" не приходится:

Кому назначено орлом
Парить над русским миром,
Быть русских юношей вождем
Быть русских дев кумиром,
Кто носят истину в груди,
Кто честно любит брата,--
Тому с тернистого пути
Покуда нет возврата!
Непримиримый враг цепей
И верный друг народа!
До дна святую чашу пей,
На дне ее свобода!

Это стихотворение датировано 14 июля 1861 г. В середине же июля близкий знакомый Некрасова, его сотрудник по "Современнику", М. Л. Михайлов привез в Петербург напечатанную им за границей прокламацию "К молодому поколению". В ней молодое поколение призывалось к агитации среди народа и солдат, агитации, имеющей целью ниспровержение существующего порядка, который характеризовался, как основанный на своекорыстии царя и привилегированных классов и пагубный для России. В сентябре того же года Михайлов был арестован, а 14 декабря в "Ведомостях С. -Петербургской городской полиции" объявлялось о постигшей его каре - лишении всех прав состояния и ссылке на каторжные работы на 6 лет.

В альбоме близкой Михайлову Л. П. Шелгуновой сохранился писанный рукою Некрасова отрывок стихотворения "Рыцарь на час", не вошедший в печатный текст его и адресованный Михайлову:

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...
В эту ночь со стыдом сознаю
Бесполезно погибшую силу мою...
И трудящийся бедный народ
Предо мною с упреком идет,
И на лицах его я читаю грозу
И в душе подавить я стараюсь слезу... -
Да! теперь я к тебе бы воззвал,
Бедный брат, угнетенный, скорбящий!
И такою бы правдой звучал
Голос мой, из души исходящий.
В нем такая бы сила была,
Что толпа бы за мною пошла...
О мечты! О волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть

И великое чувство свободы -
Все в душе угнетенной моей
Пробудилось... Но где же ты, сила?
Завтра встану ягненка смиренней... и т. д.

"Редки те, к кому нельзя применить этих слов (т. е. слов осуждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано". - В. Е. -М.), чьи порывы "способны переходить в дело... Честь и слава им, честь и слава тебе, брат".

Стих. "Рыцарь на час" является одним из наиболее характерных для "музы мости и печали". На него чаще всего ссылаются, определяя основные черты ее формы и содержания. Тем большую ценность приобретает приведенный отрывок: он проливает новый свет и на идею стихотворения и на отразившееся в нем настроение поэта. "Стан погибающих" - это, оказывается, стан революционно-настроенных борцов за народное дело; поэт не заслуживает другого имени, как имя "рыцаря на час", прежде всего потому, что он не примкнул к этому стану, - не решился вступить на "тернистую дорогу", избранную Михайловым, не только, конечно, Михайловым, но и Чернышевским, который хотя еще и не подвергся участи Михайлова, но со дня на день рисковал ей подвергнуться. У нас нет никаких данных, позволяющих утверждать, что Некрасову было известно, что Чернышевский в 1861 г. связал себя уже не только с революционной теорией, но и с революционной практикой {Так по утверждению Ю. М. Стеклова ("Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность", т. II, ГИЗ 1928 г.), "до своего ареста Чернышевский, повидимому, был одним из руководителей если не самого общества (Земля и Воля), то людей, стоявших в его центре"; кроме того он вел переговоры с московским кружком, выпустившим прокламацию "Молодая Россия", и сам выпустил "Воззвание к барским крестьянам"}. Вернее всего, что Чернышевский, из соображений конспиративного порядка, скрывал от Некрасова эту сторону своей деятельности {"Чернышевский, бесспорно, был великим конспиратором и тайну своих действий унес в могилу" (там же, стр. 291)}. Однако едва ли можно сомневаться в том, что Некрасов, при его "необыкновенном уме" (слова Чернышевского), при его "исключительно тесном деловом и личном контакте с Чернышевским, догадывался, что последний являлся в это время в большей, чем когда бы то ни было, степени сторонником революционного действия. Хотя бы даже у Некрасова и не было сколько-нибудь определенных сведений о том, в каких формах выражается участие Чернышевского в этом действии, но, зная его убеждения, зная, что Чернышевский принадлежит к тому типу общественных деятелей, у которых слово не расходится с делом, Некрасов, конечно, не мог не предполагать, что Николай Гаврилович будет активным участником надвигающейся революционной грозы. Таким образом, мысль о грядущей революции должна была ассоциироваться в его сознании с мыслью о Чернышевском. Это, конечно, не могло не способствовать усилению влияния Чернышевского на него, ибо Некрасов, не принадлежа к числу активных борцов, неизменно склонялся с чувством, близким к благоговению, перед теми, кто в своей деятельности руководствовался убеждением, что "служить добру, не жертвуя собой",-- невозможно, кто готов был "бросаться прямо в пламя" и погибнуть в нем.

Было бы, разумеется, непростительной близорукостью закрывать глаза на влияние исторического момента со всем многообразием определивших его социально-экономических и политических факторов и утверждать, что поэзия Некрасова получила бы совсем иную идеологическую окраску, если бы на Некрасова не влияли Чернышевский с Добролюбовым, но, во всяком случае, согласиться со взглядом на этот вопрос самого Чернышевского, изложенным, как мы видели, с чрезвычайной категоричностью, никоим образом, нельзя.

Едва ли мы ошибаемся, если скажем, что в нашем случае Чернышевскому помещала быть объективной его чрезвычайная скромность. Никто, думается, в наши дни не станет отрицать, что Добролюбов являлся подлинным учеником Чернышевского, конечно, не в том смысле, в каком Вагнера можно считать учеником Фауста. Добролюбов был исключительно талантлив; с другой стороны, он отличался редкой независимостью суждений, но за всем тем ясно, как дважды два четыре, что во всех основных пунктах своего мировоззрения он следовал путем, проложенным его учителем. А между тем с каким ожесточением обрушивался Чернышевский на тех, кто склонен был рассматривать Добролюбова как его ученика. Весьма характерна в этом отношении статья его против Зарина "В изъявление признательности" ("Современник", 1862 г., No 2), в которой, в явное противоречие с действительностью, он

утверждал, что ко времени знакомства с ним Добролюбова он "не имел важного влияния в литературе", что критический отдел журнала он передал Добролюбову из желания "избегнуть невыгодного" для него, Чернышевского, "сравнения", что "к лету 1858 г. или даже несколько раньше (sic!) Добролюбов (имел уже преобладающее влияние в журнале, и это не объясняется ничем другим, кроме его превосходства"... Сомневаться в данном случае в искренности Чернышевского у нас нет оснований, но его крайняя тенденциозность, проявляющаяся в стремлении возвысить значение Добролюбова, снижая свое собственное, бросается в глаза. То же самое Чернышевский делал и в устных беседах с приятелями. Антонович, например, рассказывает, что Чернышевский часто раздражался самообличениями. "Эти самообличения обыкновенно пересыпались панегириками Добролюбову, у которого-де нет этих недостатков, он всегда тверд и непоколебим, как скала, что у него твердые и завидные познания и т. д. Однажды я попробовал было возразить Н. Г. и сказал ему, <что ему нет оснований завидовать обширности познаний Добролюбова потому, что у него самого еще больше этого добра и притом из разных областей, тогда как Добролюбов силен только в одной области. Он просто накопил и горячо, "почти с криком говорил: "Что вы? Что вы говорите? Ведь Добролюбов только что со школьной скамьи, а дайте дожить до моих лет, так вы увидите, из него будет! Еще на школьной скамейке он уже окончательно сформировался и установился, а я!.. а я!.." - и опять полились самообличения".

Присущие Чернышевскому не то неспособность, не то нежелание быть беспристрастным и справедливым к себе бесспорно сказываются в его отношении к интересующему нас вопросу о влиянии его на "образ мыслей" Некрасова. Еще резче, чем в "Заметках",-- в том источнике, который нельзя в данном случае не признать основным, - эти черты Чернышевского дают себя чувствовать в одном из писем его к Некрасову. Здесь (письмо от 24 сент. 1856 г.) он всячески старается убедить Некрасова в том, что критика ему ее нужна на том-де оснований, что она "может быть полезна людям, когда в состоянии обнаружить недостатки в их убеждениях и заставить их вернее смотреть на жизнь"; но в отношении Некрасова он не знает - "какие ошибочные убеждения нужно было бы ему, Некрасову, исправлять в себе". Не говоря уже о том, что Чернышевский здесь впадает в противоречие с тем, что пишет в "Заметках" о своих разногласиях с Некрасовым по вопросу о роли Петра и о значении крестьянской реформы, его аргументация о ненужности критики, разумеется, мало убедительна. Если даже Некрасов, как поэт, был выше всякой критики,-- такова в сущности точка зрения Чернышевского, - то это отнюдь не значит, что он не нуждался в критике. Благожелательная критика сплошь да рядом имеет особо существенное значение, и Чернышевский хорошо это знал, иначе не заполнил бы два огромных письма Некрасову такую именно критикой. Хотя последняя переходит временами прямо-таки в панегирик, но можно ли оказать, что для Некрасова она была не нужна? Разумеется; нет! Для Некрасова, в середине 50-х гг., когда в его глазах еще не померк авторитет его старых друзей по кружку Белинского с Тургеневым во главе, которые, как мы знаем, всячески старались увлечь его, как поэта, на иной путь, чрезвычайно было важно укрепиться в своих идеологических и формальных позициях, чему, конечно, немало способствовало одобрение Чернышевского. Не менее важно было для него ощутить ту общественную среду, которая предъявляла к нему, как к поэту, определенный социальный заказ. Чернышевскому более, чем кому-либо другому, Некрасов обязан тем, что он очутился лицом к лицу со своим социальным заказчиком. А очутившись с ним лицом к лицу, наблюдая его, как будет выяснено ниже, изо дня в день, поэт поведал о своих беседах с ним в том стихотворении, которое ярче, чем какое-либо другое, (излагает его поэтическое profession de foi. Мы имеем в виду знаменитое стихотворение "Поэт и гражданин". Уже Ляцкий в своих статьях 1911 г.. совершенно справедливо, на наш взгляд, указал, что оно "наглядно воспроизводит одну из типичнейших бесед Чернышевского с Некрасовым". В самом деле, вчитываясь в него, мы прежде всего убеждаемся, что в нем в полном соответствии с действительностью передана внешняя, бытовая, так сказать, обстановка, в которой происходили эти беседы. Поэт "представлен, здесь лежащим, полубольным ("еле дышит") и переживающим (обычный для Некрасова, именно для Некрасова!) припадок "сонной хандры", от которого его старается пробудить "гражданин", указывая "ему на пошлость такого времяпрепровождения ("пошлом юродство: лежать умеет дикий зверь"...), стыдя его ("послушай, стыдно!") и, наконец, убеждая его в том, что "теперь такое время наступило", когда человеку, сознающему свой долг пред обществом и к тому же не лишенному дарования ("в ком дарование, сила, меткость"), "не должно спать". Сходную картину рисует Чернышевский в своих воспоминаниях о Некрасове: "Проснувшись, Некрасов очень долго оставался в постели; бели не было посетителей, то оставался в постели иногда и до самого завтрака. Он читал и рукописи, и корректуры, и писал лежа в постели"... И несколько

милое: "Я вхожу, он лежит на подушке головой, забыв о чае, который стоит на столике подле него, рука лежит "вдоль тела... На лице выражение печали, глаза потуплены в грудь"...

Что же в таких случаях говорил хандрившему Некрасову Чернышевский? Ответим на этот вопрос его подлинными словами: "Каждому из нас, - писал Чернышевский Некрасову от 5 ноября 1856 г., - естественно, быть недовольным собою, своим прошедшим.... Быть может, вы имеете на это несколько более права, нежели другие - но что же из этого? Как вы ни думайте о себе, а все-таки вы в настоящем имеете великие силы, и предаваться унынию нет причины для вас. Или в самом деле ваше сердце устало ненавидеть? Или в самом деле вы никого и ничего не любите? Все это ипохондрические мечты. На самом деле вы человек со свежими еще душевными силами... Вы просто хандрите, и главная причина хандры - мысль о расстроенном здоровье... Постарайтесь же укрепить ваше здоровье,-- оно нужно не для вас одних. Вы теперь лучшая, можно сказать, единственная прекрасная надежда нашей литературы. Пожалуйста не забывайте, что общество имеет право требовать от вас: "будь здоров, ты нужен мне".

Нет никакого сомнения, что такие тирады Чернышевского Некрасову приходилось выслушивать не однажды. Прошло четыре года, и с Некрасовым в таком же тоне и почти в таких же выражениях заговорил Добролюбов, этот alter ego Чернышевского в редакции "Современника": "Николай Алексеевич,-- читаем в письме Добролюбова от 23 августа 1860 г., - многое вы на себя напускаете лишнего. Что это за отчаяние в себе, что за жалобы на свою неспособность появились у вас! Вы считаете себя отжившим, погибшим. Да помилуйте, на что это похоже! Вы, разумеется, ссылаетесь на то, что рано стали жить и жечь свои силы. Да ведь их все-таки еще довольно осталось. И что вы жить-то рано стали, так это именно потому, я думаю, что сил было много, что рвались они наружу, кровь кипела... А что дела-то нет - "да нужно прежде дело дать" - это ведь только пустая отговорка, как вы сами знаете. Есть вам дело, есть и применение ему и успех есть... Посмотрите-ка на современное движение в Европе: и оно ведь идет тихо, а идет несомненно. Что же мы это, неужели должны оставаться чуждыми зрителями? Вздор, ведь и мы в Европе, да еще какой важный вопрос у нас решается, как много нам шансов стать серьезно на ряду с Европой. И в это время-то вы, любимейший русский поэт, представитель добрых начал в нашей поэзии, единственный талант, в котором теперь есть жизнь и сила, вы так легкомысленно отказываетесь от серьезной деятельности!.."

Социальный заказ, властно предъявлявшийся Некрасову сначала устами Чернышевского, а затем и устами Добролюбова, помог поэту все в том же стихотворении "Поэт и гражданин" выработать ту формулировку, с помощью которой он определял и свою поэтическую миссию:

С твоим талантом стыдно спать!
Еще стыдней в годину горя
Красу небес, долин и моря
И ласку милой воспевать...
А ты, порт, избранник неба,
Глашатай истин вековых,
Не верь, что неимущий хлеба
Не стоит вещей струн твоих.
Будь гражданин! служба искусству.
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей любви...
Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан!

Нет надобности распространяться, в какой мере этот взгляд на искусство, на роль и назначение его представителей в современном обществе соответствовал тому, что высказывалось по данному вопросу Чернышевским.

В духе Чернышевского выдержаны в этом стихотворении и беспощадная характеристика общества, неспособного, если не считать, конечно, горсточку разночинной интеллигенции, к серьезной работе во имя обновления русской жизни ("Одни - стяжатели и воры, другие -

сладкие певцы, а третьи... третьи - мудрецы: их назначенье - разговоры" и т. д.), и горькие жалобы на отсутствие у нас людей с чувством определенной гражданской ответственности ("ах! будет с нас купцов, кадетов, мещан, чиновников, дворян, довольно даже нам поэтов, но нужно, нужно нам граждан!.." и т. д.).

И еще ярче чувствуется влияние Чернышевского в том, что Некрасов говорит о неизбежности кровавой борьбы во имя свободы, каких бы жертв эта борьба ни потребовала ("иди и гини безупречно: умрешь недаром, -- дело прочно, когда под ним струится кровь" ...).

Таким образом, в "Поэте и гражданине", прежде всего, довольно точно обрисована та бытовая обстановка, в которой происходили беседы Чернышевского с Некрасовым, затем воспроизведены почти дословно подбадривания, адресованные хандрящему Некрасову Николаем Гавриловичем; наконец, в словах Некрасова о гражданском призвании поэта, о состоянии современного общества, о неизбежности борьбы слышатся явные отголоски мнений Чернышевского. Даже в суждениях по частным вопросам Некрасов повторяет в этом стихотворении Чернышевского. Так, например, противопоставление его, Некрасова, Пушкину, содержащееся в "Поэте и гражданине", без сомнения, навеяно высказываниями Чернышевского, подобными тем, которые мы находим в его письмах 1856 г. "Признаюсь, -- говорит гражданин поэту, - в полном соответствии с тем, что писал Чернышевский Некрасову, - твои стихи живее к сердцу принимаю", чем стихи Пушкина. Это суждение гражданина вызывает негодующую реплику со стороны поэта: "Не говори чепухи!" И в дальнейшем Некрасов по врожденной скромности, с одной стороны, и по искреннему, надо думать, убеждению, с другой, убеждению, которого не мог поколебать даже Чернышевский, вкладывает в уста гражданина суждения, явно противоречащие тому, что писал и, разумеется, высказывал ему в беседах Ник. Гавр. Сущность этих суждений сводится к тому, что Некрасов "не Пушкин", что его элегии бестолковы, его элегии не новы, сатиры чужды красоты, неблагородны и обидны, стих тягуч"... и т. д. Это единственный пример несогласия Некрасова, как автора "Поэта и гражданина", с Чернышевским.

III

Говоря о влиянии Чернышевского на Некрасова, не лишне будет выяснить, какими путями оно шло.

Само собой разумеется, что Некрасов, как редактор-издатель "Современника", не мог не прочитывать статей Чернышевского, помещаемых в его журнале. И тем обостреннее был его интерес к этим статьям, что они очень скоро привлекли к себе неблагоприятное внимание и цензуры и дворянского круга сотрудников "Современника" (см. об этом у Колбасина в его воспоминаниях о Некрасове). Некрасов, при всей своей занятости, должен был при таких условиях, не ограничиваясь одним прочитывавшем, возможно глубже вникать и в содержание статей Чернышевского. Сказанное относится, преимущественно, к "начальному периоду сотрудничества Чернышевского в "Современнике", когда он еще не завоевал в нем одного из руководящих мест. Впоследствии, безгранично доверяя Чернышевскому, Некрасов, надо думать, уже не чувствовал себя обязанным прочитывать от доски до доски все, что писалось Чернышевским для "Современника". Но ведь влияние Чернышевского на Некрасова начало проявляться со середины 50-х гг., т. е. именно в первые годы работы Чернышевского в "Современнике".

Не менее сильно, чем печатное, действовало на Некрасова и устное слово Чернышевского. В интереснейшем письме Чернышевского к "милому брату Саше" (А. Н. Пыпину) от 25 февраля 1878 г. Чернышевский, между прочим, вспоминает о том, как он, видя в Некрасове человека малообразованного ("он почти ничему не учился до 15 лет - и после того не учился"), но "необыкновенного ума", заводил с ним своего рода беседы-поучения, вероятно, подобные тем, (которые когда-то вел с Некрасовым Белинский. "Я постоянно пробовал, - пишет Чернышевский, - рассказывать ему просто, в чем состоит сущность наших знаний о том, что было бы полезно ему знать. Он - разумеется, не тяготился, не чувствовал досады, что я хочу учить его. Но - при малейшей возможности отлынивал от скучного ему предмета разговора"... Последнее указание Чернышевского едва ли вполне правильно. Другой мемуарист, Е. Я. Колбасин, говоря об этих беседах-поучениях, рисует совершенно иную картину. "В особенности

он (т. е. Некрасов),-- говорит Колбасин,-- полюбил Чернышевского. Помню я зимние петербургские вечера, когда утомленные дневным трудом сотрудники сходились в комфортабельном кабинете Некрасова для отдыха и обмена мыслей. Некрасов всегда старался расшевелить Чернышевского и вызвать его на беседу. Действительно, Чернышевский постепенно оживлялся, и в комнате раздавался только его несколько пискливый голос.

По своей крайней застенчивости Чернышевский не мог говорить в большом обществе, но в кругу близких лиц, позабыв свою робость, он говорил плавно и даже увлекательно. Некрасов... очень любил его рассказы, и не без причины: в своих речах молодой экономист обнаруживал изумительные сведения и обогащал слушателей знаниями по всевозможным отраслям наук. Прислонясь к камину и играя часовой цепочкой, Николай Гаврилович водил слушателей по самым разнообразным областям знания: то он подвергал критике различные экономические системы, то строил синтез общественного прогресса, то излагал теорию философии естественной истории, то чаще всего он переносился в прошедшие века и рисовал картины минувшей жизни. Он владел самыми обширными сведениями по истории, - это был его любимый предмет, его специальность. Он рисовал сцены из истории французской революции или из эпохи Возрождения, изображал характер древних Афин или двора византийских императоров... Помню, как он увлек нас поразительной картиной нравов общества перед падением античной цивилизации".

Можно ли допустить, что эти увлекательные лекции-импровизации проходили мимо Некрасова, одной из характернейших особенностей психического склада которого являлась удивительная способность усваивать и развивать почему-либо заинтересовавшие его мысли и мнения. М. А. Антонович в известном памфлете против Некрасова ("Материалы для характеристики современной русской литературы. Литературное объяснение с Некрасовым", СПб, 1869 г.) зло посмеялся над этой чертой Некрасова. "По нередким решительным опытам, - писал он,-- я убедился, до какой степени Вы чувствительны и восприимчивы к более или менее оригинальным мыслям и чувствам, выражаемым другими; Вы их ловите, так сказать, налету; для Вас достаточно одного намека. Затем уже собственно (самостоятельную деятельность Вы составляете внешние формы и поэтические образы для выражения этих мыслей и чувств... Ваша связь с упомянутыми выше литературными деятелями Чернышевским и Добролюбовым, кроме материальных выгод, принесла вам громадную поэтически-гражданскую выгоду. Все ваши лучшие по мысли стихотворения относятся к периоду ваших сношений с этими деятелями и наверное навеяны ими; ваша муза, воспитываемая их влиянием, приняла новое направление. Не помню где, какой-то критик сказал, что ваши стихотворения--это переложенные в стихи статьи Добролюбова. Конечно, это не точно, преувеличено, но мысль, лежащая в основании этих слов, вполне верна". То, что казалось М. А. Антоновичу в 1869 г. криминалом, через 33 года, "когда его отношение к Некрасову стало несравненно более объективным, приобрело в его глазах значение положительной черты, достоинства, а отнюдь не недостатка. В своих "Воспоминаниях о Некрасове" 1903 г. ("Журнал для всех", No 2), рассказывая о литературно-художественных обедах у Некрасова, переходивших нередко в редакционные совещания, он говорит следующее": "И здесь я постоянно удивлялся чуткости и восприимчивости Некрасова, его поразительной способности и умению сразу схватывать всякий предмет, всякую мысль, так сказать, ловить их налету. Во время этих рассуждений и споров Некрасов, бывало, молчит; но вот кто-нибудь вскользь выскажет дельное замечание или новую, оригинальную мысль, и Некрасов даже подскочит на своем кресле, подхватит эту мысль, дополнит и разовьет ее с таким искусством, что приведет в изумление самого автора мысли".

Изменив свою квалификацию переимчивости Некрасова, Антонович остался при своем прежнем мнении о значении общения с Чернышевским и Добролюбовым. "Для Некрасова общество этих двух сотрудников, или вернее соредкторов, было новой высшей школой, довершившей его самообразование и еще более расширившей "его умственный кругозор и закрепившей то, что было приобретено им в кружке Белинского. Много он мог вынести из общения с этими людьми, столь богатыми всякого рода новыми идеями и одушевленными энергией и энтузиазмом, особенно при его восприимчивости и чуткости ко всему разумному и доброму" {Характерно, что и в своей статье о Некрасове 1878 г. ("Слово" No 2) Антонович развивает ту же точку зрения на, данный вопрос. "Что они (т. е. Чернышевский и Добролюбов),

- пишет он здесь, - проводили в своих статьях, то он пел в своих стихотворениях; за кого они вступались прозой, за тех он вступался в стихах, и им и ему были дороги все страждущие, обремененные, обездоленные, оскорбленные я униженные, он рисовал картину страданий мужика, строившего железные дороги и качавшего на руках благодетеля-подрядчика, а они клеймили железнодорожных строителей, производивших опыты отучения своих рабочих от пищи". Взгляд Антоновича разделял и другой соредактор Некрасова уже не только по "Современнику", но и по "Отечественным Запискам" - Г. З. Елисеев. Об этом можно судить по его посвященному Некрасову "Внутреннему обозрению", "Отеч. Зап.", 1878 г., No 3.}

Бели от воспоминаний современников мы обратимся к тем выводам, к которым пришли немногие исследователи, занимавшиеся интересующим нас вопросом, то увидим, что эти выводы целиком и полностью подкрепляют нашу точку зрения. Так Д. Н. Овсяннико-Куликовский не сомневается в том, что политические идеи Чернышевского и Добролюбова усвоены были Некрасовым. "С конца 50-х гг., - констатирует он, - поэзия Некрасова проникается этими идеями и дает им своеобразное выражение в лирике и сатире. Одним из (самых ярких произведений в этом роде, (была знаменитая "Песня Еремушке", которая привела в восторг Добролюбова... Без сомнения основы этих идей и (идеалов Некрасов вынес из 40-х годов: его учителем был Белинский, память о котором он свято чтит. Но (подобно тому, как направление, завещанное великим критиком, впервые получило точное и ясное выражение в трудах Чернышевского и Добролюбова, так и мирозерцание и настроение Некрасова - завет того же Белинского - определились и получили более ясное и поэтическое выражение благодаря нравственному и умственному влиянию Чернышевского и Добролюбова". В частности Овсяннико-Куликовский подчеркивает, что особенно должно было отразиться на образе мыслей Некрасова, а затем на характере и направлении его поэзии сотрудничество с Чернышевским и Добролюбовым: с (первым Некрасов, как известно, писал "Заметки о журналах" {Вначале эти "Заметки о журналах" (в конце 1855 г. и в начале 1856 г.) писались Некрасовым совместно с В. П. Боткиным; затем, в NoNo 5 и 6 "Современника" за 1856 г. - совместно с Чернышевским. Сотрудничество их выразилось в том, что Некрасов писал начало "Заметок", содержащее общие рассуждения о положении и задачах современной журналистики, а разбор журналов предоставлял Чернышевскому. Вскоре, вероятно, в связи с болезнью Некрасова и отъездом его за границу, "Заметки" целиком перешли к Чернышевскому.}, со вторым работал сообща в "Свистке" {Подробный анализ их совместной работы в "Свистке" дается ниже, в статье "Некрасов и Добролюбов"}. В заключение Овсяннико-Куликовский отмечает, что не только в плане чисто идеологическом великие разночинцы-шестидесятники влияли на Некрасова, но и в плане морально-психологическом: "в общении с ними он черпал духовное освежение, он преодолевал свою хандру, пессимизм и мизантропию и обретал ту "веру", о которой он говорит в письме к Тургеневу {И эта и предшествующие цитаты взяты нами из "Истории русской интеллигенции". Письмо Тургенева, упоминаемое Овсяннико-Куликовским, это письмо от 3 октября 1856 г., где, между прочим сказано: "когда нет этой веры, тогда и плюешь на все, начиная с самого себя"}.}

Е. А. Ляцкий, в свою очередь, утверждает, что в Чернышевском Некрасов "не только находил замечательного истолкователя стремлений эпохи, но и друга, который являлся для него и вдохновителем и стимулом к творческой работе".

Мнение Овсяннико-Куликовского и Ляцкого всецело разделяется и Ю. <М. Стекловым, который и в своем исследовании о Чернышевском и Некрасове в журнале "На литературном посту" не ограничивается тем, что подробно излагает их взгляды, но и подкрепляет их рядом своих соображений {Между прочим, Ю. М. Стеклов уделяет значительное внимание одной из ранних работ автора настоящих строк о Некрасове, в которой было принято на веру утверждение Чернышевского о том, что "новые люди", т. е. сам Чернышевский и Добролюбов, не могли повлиять на Некрасова. Углубленное обследование этого вопроса привело нас, как видит читатель, к диаметрально противоположному взгляду на него... Признать свои былые ошибки никогда не бывает поздно.}

Итак, радикализм и четкостью своего социально-политического мирозерцания, могущественно содействовавшими успеху Некрасова в 60-е годы, он, в некоторой мере, обязан Чернышевскому. Это - огромная услуга, и неудивительно, что Некрасов чувствовал себя в долгу у Чернышевского. Однако было бы несправедливо ставить вопрос таким образом:

Чернышевский только давал, а Некрасов только брал. В их отношениях были области, в которых берущим был уже Чернышевский, а дающим - Некрасов... Николай Гаврилович до конца дней своих не переставал вспоминать, чем он обязан Некрасову, который, предоставив ему работу в "Современнике", не только обеспечил его материально, но и дал ему возможность широкого идеологического воздействия на современное общество. Вопрос о характере и условиях совместной работы Некрасова и Чернышевского в "Современнике" - большой вопрос; о "нем нужно говорить особо. Не имея в виду касаться его в настоящей статье, ограничимся тем, что приведем из 47-ой книги журнала "Каторга и ссылка" интереснейшее признание Чернышевского, содержащееся в одном из писем к К. Т. Солдатенкову (конец 1888 г.: "Некрасов - мой благодетель. Только благодаря его великому уму, высокому благородству души и бестрепетной твердости характера я имел возможность писать, как я писал. Я хорошо служил своей родине и имею право на признательность ее; но все мои заслуги переднею - его заслуги. Сравнительно с тем, что я ему обязан честью быть предметом любви многочисленной и лучшей части образованного русского общества, маловажно то, что он делился со мною последней сотней рублей, он долго был беден, и "Современник" не имел денег; сколько я перебрал у него, неизвестно мне; мы не вели счет, я приходил, он вынимал бумажник и раздумывал, сколько необходимо ему оставить у себя, остальное отдавал мне"...

Насколько крупными были те суммы, которые Чернышевский получал от Некрасова - можно видеть из того, что в 1864 г., когда решила участь Чернышевского, Некрасов распорядился списать со счета "Современника" его долг, достигавшей почти 14 1/2 тысяч рублей. Само собой разумеется, что если бы Чернышевский был должен Некрасову во много раз больше, то и в таком случае объективная ценность его литературного вклада в "Современник" неизмеримо превысила бы этот долг. Однако с точки зрения формальной и эти 14 1/2 тысяч и те десятки тысяч, которые получил Чернышевский от Некрасова за годы его сотрудничества в "Современнике", позволяют говорить о невиданно высоком гонораре, которым оплачивался труд Чернышевского в журнале Некрасова. Чернышевский хорошо понимал это, а потому, как мы видели, и говорил об этой услуге Некрасова в сильных и трогательных выражениях. Тем страннее было прочесть в "примечаниях" к I тому книги "Чернышевский в Сибири" следующее заявление сына Николая Гавриловича, М. Н. Чернышевского: "Он (отец) считал себя должным Некрасову за забранный вперед гонорар, что оказалось ошибочным, как это впоследствии и выяснил ему А. Н. Пыпин при личном свидании в 1884 г. в Астрахани" (181 стр.). Мы допускаем возможность, что Пыпин, чтобы успокоить надломленного двадцатилетней каторгой Чернышевского, пробовал убеждать его в том, что он якобы ничего не должен Некрасову, но едва ли Чернышевский поверил этому, ибо такой человек, как он, забыть о долге в 14 1/2 тысяч рублей, конечно, не мог. Мало того, мы утверждаем, что помощь Некрасова Чернышевскому и его семье выразилась не только в форме погашения долга: когда Чернышевский уже не мог ничего заработать, Некрасов не переставал помогать Чернышевским материально. На это есть указания в письмах Пыпина к Некрасову. Об этом же с не допускающей двух толкований категоричностью заверяла нас Ольга Сократовна Чернышевская. Вот ее подлинные слова, сказанные в 1914 г., во время нашей беседы с нею в Саратове: *"Если бы не его, Некрасова, денежная помощь, мне бы с детьми, после ареста и ссылки мужа, не на что жить было..."*

Таким образом, приязнь Чернышевского к Некрасову была исключительно -прочной и глубокой и потому, что они стояли по одной стороне баррикады и соединенными силами руководили важным общественным делом, и потому, что Чернышевский чрезвычайно высоко ставил Некрасова как поэта, и потому, что он горячо любил его как человека, и потому, наконец, что он питал к нему чувство горячей благодарности за его всегдашнюю готовность помогать ему материально, хотя бы это было сопряжено с крупными пожертвованиями с его стороны. Вот почему в далекой Сибири, в исключительно трудных и тяжелых условиях жизни, Чернышевский постоянно и с неизменно теплым чувством думал о Некрасове. Известия об его моральном или материальном неблагополучии волновали его до глубины души. Едва ли не тягчайшим (моральным неблагополучием в жизни Некрасова было то, что довелось пережить ему весной 1866 г. накануне запрещения "Современника". Читатель помнит, что в тщетных усилиях спасти свой журнал, "спасти направление", как выражается П. М. Ковалевский в своих воспоминаниях о поэте, растерявшийся и павший духом Некрасов написал два стихотворения - одно в честь спасителя царя Осипа Комиссарова, другое в честь искоренителя крамолы М. Н. Муравьева-Виленского. Стихотворения эти представляли эти вопиющий диссонанс с общим направлением его поэтического творчества. В воспоминаниях В. Г. Короленко о Чернышевском приводится

рассказ, слышанный им от одного ссыльного поляка, жившего в Сибири вместе с Чернышевским, рассказ о том, как никогда не унывавший Чернышевский "заплакал", когда прочел одно из этих стихотворений. Заплакал, разумеется, потому, что прочитанное давало основание для опасений, не стал ли Некрасов ренегатом, иными словами, не умер ли он морально. Опасения эти не оправдались. Оды Комиссарову и Муравьеву были только моральным падением, но не моральной смертью. И мы знаем, что Некрасов искупил это падение и своей последующей деятельностью в "Отечественных Записках" и своими последующими (поэтическими творениями, в которых так ярко "сказалось, что его любовь к трудовому народу и тем, кто борется за его счастье, стала глубже и проникновеннее ("Кому на Руси жить хорошо", "Дедушка", "Русские женщины"), а ненависть к угнетателям, и эксплуататорам ярче и беспощаднее ("Современники"). Далеким вилюйский узник и в 70-е годы продолжал относиться к Некрасову с прежнею приятностью, продолжал с прежним восхищением зачитываться его стихами. Но вот до Вилюйска дошли слухи о том, что Некрасову грозит уже не моральная, а физическая смерть. Полный глубокой скорби и искреннего участия Чернышевский спешит переслать ему через Пыпина (в письме от 14 августа 1877 г.) свой последний привет: "Скажи ему, что я горячо любил его как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов".

Чтобы оценить значение этих слов для Некрасова, не забудем, что они явились непосредственным откликом (Чернышевский достаточно определенно говорит об этом в своем письме Пыпину) на выраженные в "Последних песнях" горькие думы поэта о том, что его "некому будет жалеть, что его прежние друзья имеют право "укоризненно" глядеть на него (стих. "Скоро стану добычею тлена") и т. д. И в этот подлинно, трагический момент в жизни Некрасова, когда трудно было решить, какие страдания,-- физические ли, нравственные ли,-- в большей мере заставляют его терпеть "невыносимую муку кромешную", возвысил свой голос Чернышевский. Возвысил его для того, чтобы, вместо укоризны, выразить Некрасову чувство любви, уважения, даже преклонения перед ним и как перед человеком и как перед поэтом.

Умиравший Некрасов нашел в себе силы откликнуться на привет Чернышевского: "Скажите Николаю Гавриловичу,-- просил он Пыпина,-- что я очень благодарю его; я теперь угашен; его слова дороже, чем чьи-либо слова" (см. письмо Пыпина к Чернышевскому от 5 ноября 1877 г.). 25 февраля 1878 г., еще не зная в своей гиблой ссылке, что Некрасов уже умер и погребен, Чернышевский вторично пишет Пыпину: "О Некрасове я рыдал, - просто: рыдал по целым часам каждый день целый месяц после того, как написал тебе о нем. - Но моя любовь к нему не имеет никакой доли в моем мнении о его историческом значении... Это дело науки, а не личных вкусов ученого. - Повтори ему, если он жив, все, что я говорил, - от лица историка или эстетика Чернышевского, которому нет дела до вкусов его знакомого Чернышевского. То, действительно, факты. Поцелуй от меня, как от его знакомого. Благодарю за его доброе мнение обо мне..."

Нет надобности распространяться, что этот обмен приветствий между заживо погребенным Чернышевским и в ужасных страданиях кончавшим свой век Некрасовым представляет собой один из трогательнейших эпизодов не только русской, но и мировой литературы.